

В. Скотт

Певерил Пик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
С44

Скотт В.
С44 Певерил Пик / В. Скотт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 418 с.

ISBN 978-5-4241-2160-9

В романе "Певерил Пик" читатель узнает, что же происходило в Англии на острове Мэн в эпоху реставрации Стюартов, начиная с момента вступления на престол Карла II и кончая так называемым папистским (католическим) заговором почти двадцать лет спустя. Именно этот заговор оказался главным эпизодом романа. В нем соединяются все нити повествования; он втягивает в свой зловещий круг всех действующих лиц, определяя в определенной мере судьбу каждого из них.

ISBN 978-5-4241-2160-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В. Скотт, 2021

Вальтер Скотт
Певерил Пик

ВВЕДЕНИЕ

Если бы я ценил свою репутацию, чего, так сказать, требует от меня благоразумие, я мог бы теперь подвести черту и остаться до конца дней своих или (кто знает?), быть может, и на несколько лет после смерти «изобретательным автором» «Уэверли». Однако я так же мечтал о подобного рода бессмертии, которого могло бы хватить лет на двадцать или тридцать, как Фальстаф мечтал быть выпотрошенным, что обещал ему после битвы при Шрусбери его патрон принц Уэльский: «Выпотрошат! Если меня сегодня выпотрошат, то завтра я тебе разрешаю посолить меня и съесть!»

Если бы меня лишили возможности писать романы, то мне на склоне лет пришлось бы искать себе другое занятие, а между тем я едва ли мог бы выучиться новым фокусам, которые, как гласит пословица, дряхлеющим собакам уже не даются. Кроме того, мне пришлось бы узнать от публики, что моя навязчивость ей неприятна, и пока меня еще терпели, я чувствовал, что достиг той степени славы, которой так усердно домогался. Память моя хранила множество наблюдений, относящихся к истории и местным преданиям, и в глазах публики я стал таким же неизбежным злом, как пресловутый попрошайка арестант, который пользуется расположением людей, быть может, только потому, что они во время своих ежедневных прогулок мимо богадельни привыкли подавать ему милостыню. Общее правило не подлежит никакому сомнению — все люди стареют, все люди должны одряхлеть; но люди заурядного ума, хотя и знают это общее правило, не желают признавать, что и они подвержены каким-то слабостям. Впрочем, едва ли следует ожидать, чтобы они могли сами предусмотреть последствия апоплексического удара, постигшего архиепископа Гранадского, и они не прочь оставить без внимания как случаи простой небрежности или неудачи то, что другие могли бы счесть за признаки смертельного недуга. У меня был только один выход, а именно — совершенно отложить в сторону перо, употребление коего в моем возрасте уже вошло в привычку, или продолжать следовать его прихотям до тех пор, покуда публика без обиняков объявит, что больше во мне не нуждается, — намек, который я вполне мог услышать и который решил принять сразу, не ожидая повторения. Поясню свою мысль читателю: за подобный намек я принял бы равнодушные литературного мира к опубликованию нового романа автора «Уэверли».

На выбор сюжета настоящего труда оказало влияние одно случайное обстоятельство. Минуло уже несколько лет с тех пор, как мой младший брат, Томас Скотт, уже упоминавшийся в этих заметках, провел некоторое время на острове Мэн и, имея доступ к хроникам этой любопытной страны, сделал из них множество выписок, которые дал мне просмотреть. Эти бумаги попали ко мне в то время, когда мой брат намеревался употребить их для литературного произведения, не помню уже, для какого именно; но он так и не пришел к окончательному решению на этот счет, а потом ему надоело заниматься переписыванием. При переездах, к которым вынуждает военная служба, бумаги, по-видимому, пропали. Однако общее содержание этих заметок, или, вернее, содержание наиболее примечательных из них, запечатлелось в памяти автора.

Интересная и романтическая история Уильяма Кристиана особенно поразила

мое воображение. Я обнаружил, что этому человеку, а также его отцу уделено чрезвычайно много места в некоторых летописях острова Мэн, хранившихся у графа Дерби и опубликованных в «Desiderata Curiosa» доктора Пэка. Уильям Кристиан, сын Эдуарда, некогда губернатора острова, впоследствии был одним из двух демпстеров, или верховных судей. Отец и сын принадлежали к «партии островитян» и боролись против некоторых феодальных привилегий, на которые претендовал граф Дерби по праву короля острова Мэн. Когда граф был казнен в Боултон-ле-Муре, капитан Кристиан возглавил круглоголовых (если можно их так назвать) и нашел средство войти в сношения с флотом, посланным парламентом. Восставшие жители Мэна сдали остров парламенту. Отважная графиня и ее сын были взяты под арест и заключены в тюрьму, где их держали долгое время и обращались с ними очень скверно. После реставрации монархии графиня, носившая титул вдовствующей королевы острова Мэн, схватила Уильяма Кристиана и велела предать его суду и казнить по законам острова за то, что он сверг с престола свою властительницу и бросил ее в тюрьму вместе с сыном. Сочинители и читатели романов, вероятно, согласятся, что судьба Кристиана, а также противоположность его характера характеру умной, но мстительной графини Дерби, прославившейся в годы гражданских войн доблестной защитой Лейтем-хауса, составляют интересный предмет для повести. Я, однако же, лишь кратко упомянул о смерти Уильяма Кристиана, о точке зрения Карла II на это превышение феодальных привилегий, а также о значительном штрафе, наложенном им на имения Дерби за нарушение юрисдикции, в котором была виновна графиня. Равным образом я не высказывал своего мнения по поводу справедливости или несправедливости этого деяния, о котором жители острова по сей день судят либо в зависимости от степени своей близости к семейству казненного, либо в зависимости от того обстоятельства, кому они, вспоминая те смутные времена, оказывают предпочтение — кавалерам или круглоголовым. Я не считаю, что оскорбил память этого джентльмена или задел честь кого-либо из его потомков; в то же время я в настоящем издании романа дал возможность представителю этого рода сказать в защиту своего предка все, что он считает необходимым, и изложение его слов читатель найдет в примечаниях ¹, на страницах которых мистер Кристиан просил уделить ему место. Я не мог поступить иначе, принимая во внимание учтивость и благородство, с которыми он говорил о своих чувствах к предкам, в равнодушии к коим нельзя обвинить ни одного шотландца.

С другой стороны, мистер Кристиан справедливо жалуется на то, что Эдуард Кристиан, выведенный в романе в качестве брата джентльмена, казненного по произволу графини, изображен как гнусный негодяй, отвращение и ненависть к которому смягчаются лишь его остроумием и смелостью. Автор не имел в виду никаких личных намеков. Эдуарда Кристиана, фигурирующего в повести, в действительности не было, он создан лишь воображением автора. Комментаторы, вполне естественно, отождествили его с братом Уильяма Кристиана по имени Эдуард, который умер в 1650 году, после семи — или восьмилетнего заключения в темнице замка Пил. Узнать что-либо о нем мне не удалось, а поскольку я не имел ни малейшего понятия о его существовании, вряд ли можно говорить, что я очернил его доброе имя. В мое оправдание достаточно сказать, что в ту пору, когда происходили описанные мною события, жил человек по имени Эдуард Кристиан. О том, «с кем связан он и кем рожден на свет», мне не известно ровно

ничего, но он, как мы знаем, был замешан в таких предприятиях, которые дают основание заподозрить его в любых неблагоприятных поступках. Дело в том, что 5 июня 1680 года Томас Блад (известный похититель короны), Эдуард Кристиан, Артур О'Брайен и другие были признаны виновными в покушении на жизнь и честь знаменитого герцога Бакингема; однако тот Эдуард никак не мог быть братом Уильяма Кристиана, ибо брат последнего умер в 1650 году. Далее: я бы, разумеется, не нарек одно из действующих лиц своего романа Эдуардом, если бы предположил, что это имя может быть связано с каким-либо ныне здравствующим семейством, носящим родовое имя Кристианов. Все эти генеалогические соображения подробно рассматриваются в примечаниях.

В предыдущих изданиях этого романа мне следовало упомянуть, что Шарлотта де ла Тремуиль, графиня Дерби, которая изображена католичкой, была на самом деле гугеноткой. Представив эту благородную даму в ложном свете, я могу оправдаться только словами Луцио: «Просто я болтал так, в шутку». В повесть, большая часть которой заведомо представляет собою вымысел, автор волен вводить такие отклонения от действительности, которых требует сюжет, или такие, которые делают сюжет более выразительным, под какую-либо категорию и подпадает вероисповедание графини Дерби во время папистского заговора. Боюсь, что если я чрезмерно превысил права и вольности сочинителя романов, это был не единственный и отнюдь не самый важный случай, когда я поступал подобным образом. Если позволить себе сравнить великое с малым, у доблестной графини гораздо меньше оснований обвинять меня в клевете, нежели у тех, кому после смерти Вергилия вздумалось бы обвинять его в клевете на Дидону.

Характер Фенеллы, который своим своеобразием произвел благоприятное впечатление на публику, далеко не оригинален. Мысль о подобном существе внушил мне очаровательный силуэт Миньоны из «*Wilhelm Meisters Lehrjahre*»² Гёте. Однако копия весьма отличается от моего великого оригинала; далее, меня нельзя обвинить и в том, будто я заимствовал что-либо, кроме общего замысла, у писателя, составляющего гордость своего отечества и образец для писателей других стран, которые должны почитать за великую для себя честь, если они хоть чем-нибудь ему обязаны.

Семейное предание снабдило меня двумя эпизодами, до некоторой степени сходными с тем, о котором идет речь. Первый из них содержится в отчете об одной тяжбе, извлеченном из шотландских судебных хроник.

Второй — в истинности которого издатель не имеет оснований сомневаться, ибо часто слышал о нем от очевидцев, — относится к способности женщины хранить тайну (что насмешники считают невозможным), даже в том случае, если тайна заключается в самой способности говорить.

В середине восемнадцатого века к дому мистера Роберта Скотта, прадеда автора этих строк, зажиточного фермера в Роксбери шире, подошла неизвестная женщина и знаками объяснила, что просит приюта на ночь, каковой, согласно обычаю тех времен, ей охотно предоставили. Наутро окрестности покрылись снегом, и уйти странница не смогла. Она прожила в доме много дней, ибо расходы на лишнего человека в большой семье были незаметны. К тому времени, когда стало теплее, она научилась при помощи знаков объясняться с членами семьи и дала им понять, что хочет остаться у них и в оплату за свое содержание пряхать или выполнять другую работу. В те времена подобное соглашение отнюдь

не было в диковинку, и немая работница вскоре сделалась полезным членом патриархального семейства. Она была искусной пряжей, вязальщицей и чесальщицей шерсти, но главное ее мастерство заключалось в умении кормить и выхаживать домашнюю птицу. Особенный свист, которым она сзывала кур, гусей и уток, был таким пронзительным, что все считали, будто его может издавать только фея или волшебница, а никак не человеческое существо.

Так странница прожила в доме три или четыре года, и никто не подозревал, что она вовсе не убогая немая женщина, какой всегда казалась. Но в минуту испуга она сбросила маску, которую так долго носила.

Однажды в воскресенье вся семья отправилась в церковь, за исключением немой Лиззи — считалось, что она из-за своей немощи не может найти отрады в богослужении, и потому ее оставили караулить дом. И вот, когда Лиззи сидела на кухне, озорной пастушок, вместо того чтобы пасти на лугу стадо, как было ему велено, прокрался в дом — то ли посмотреть, нельзя ли там чем-нибудь поживиться, то ли просто из любопытства. Внимание мальчика привлекла какая-то безделушка, и, думая, что никто его не видит, он протянул руку, чтобы ее схватить. Немая кинулась к нему и, от неожиданности забыв свою роль, очень громко и внятно произнесла на шотландском диалекте: «Ах ты, дьяволенок ты этакий!» Мальчик, испуганный скорее неожиданным поведением Лиззи, нежели тем, что был уличен в мелкой краже, в смнении помчался в церковь с невероятной новостью: немая заговорила!

Семейство в изумлении поспешило домой, но убедилось, что их жилища вновь погрузилась в свое обычное молчание, объясняется только знаками и, таким образом, решительно опровергает слова пастушка.

С этого дня у членов семьи пропало всякое доверие к их немой или, вернее, молчаливой гостье. Обманщице ставили всевозможные ловушки, но она искусно их избегала; возле нее то и дело неожиданно стреляли из ружей, но никто ни разу не видел, чтоб она вздрогнула. Однако Лиззи, очевидно, надоело это недоверие, ибо в одно прекрасное утро она исчезла так же неожиданно, как и появилась, не утруждая себя прощальными церемониями.

Говорят, будто Лиззи видели по ту сторону английской границы, причем она в совершенстве владела даром речи. Действительно ли это было так — мои собеседники узнать не пытались, равным образом и я не мог удостоверить истинность этого происшествия. Пастушок стал взрослым мужчиной и продолжал утверждать, что немая с ним разговаривала. По какой причине эта женщина так долго носила столь же ненужную, сколь и тягостную личину, так никто никогда и не узнал. Быть может, это было какое-то помрачение ума. Могу только добавить, что я имею все основания считать приведенный здесь рассказ совершенно достоверным, и он может послужить параллелью к вымышленной истории Фенеллы,

Эбботсфорд, 1 июля 1831 года

Глава I

*Зверел в дни смуты род людской,
Объят бессмысленной враждой;
Всех грызла зависть; страх-злодей
Друг с другом стравливал людей.
Батлер³*

Вильгельм, завоеватель Англии, был (или по крайней мере считал себя) отцом некоего Вильгельма Певерила, который сопровождал его в битве при Гастингсе и там отличился. Свободомыслящий монарх, с полным на то основанием именовавший себя в своих хартиях Гвилельмом Бастардом, едва ли считал бы незаконное происхождение своего сына достаточной причиной для того, чтобы лишить одного своих королевских милостей — ведь в те времена завоеватель-норманн диктовал Англии законы и по своему благоусмотрению распоряжался землями саксов. Вильгельм Певерил был наделен обширными поместьями в графстве Дерби и воздвиг ту готическую крепость, которая высится над входом в столь хорошо знакомую путешественникам Чертову пещеру и дает соседней деревне имя Каслтон.

От этого феодального барона, который выбирал место для своего горного убежища, как выбирает место для гнезда орлица, и построил его, как выразился один ирландец по поводу башен Мартелло, с единственной целью удивить потомство, в том же графстве Дерби ведет свою родословную (которая, впрочем, весьма темна) богатый рыцарский род. В бурные времена короля Иоанна обширное поместье Каслтон с прилегающими к нему лесами, пустошами и всеми достопримечательностями было отобрано у тогдашнего Вильгельма Певерила и пожаловано лорду Феррерсу. Однако потомки этого Вильгельма, лишённые имения, будто бы искони принадлежавшего их роду, еще долгое время носили славное имя Певерилов Пиков, которое должно было указывать на их высокое происхождение и горделивые притязания.

В царствование Карла II представителем этого древнего рода был сэр Джефри Певерил, человек, у коего можно было найти множество обычных свойств старинного помещика, но очень мало личных особенностей, которые выделяли бы его из этого достойного разряда рода человеческого. Он кичился незначительными преимуществами, сетовал на мелкие невзгоды; неспособен был ни на какое решение или мнение, независимое от владевших им предрассудков; гордился своим происхождением; был расточителен в домашнем обиходе; приветлив с теми родичами и знакомыми, которые признавали, что он выше их по рождению; обидчив и нетерпим ко всем, кто не считался с его претензиями; милостив к беднякам — кроме тех случаев, когда они охотились на его дичь; был роялистом по своему политическому образу мыслей и одинаково ненавидел круглоголовых, браконьеров и пресвитериан. Что до религии, то сэр Джефри был приверженцем Высокой церкви, и его незаурядное рвение внушило многим мысль, будто он втайне все еще придерживается римско-католических догматов, от которых его семейство отказалось лишь при его отце, и будто он получил позволение только внешне соблюдать обряды протестантской веры. По крайней мере среди пуритан шла такая молва, а явное влияние, которым сэр Джефри Певерил пользовался у

католиков, владевших поместьями в Дербишире и Чeshire, казалось, подтверждало эти слухи.

Таков был сэр Джефри, и он сошел бы в могилу, не оставив по себе иной памяти, кроме медной таблички в алтаре, если бы время, в которое он жил, не побуждало к действию самые ленивые умы, — подобно тому, как порывы бури волнуют воды самого тихого озера. Когда разразились гражданские войны, Певерил Пик, гордый своим происхождением и храбрый от природы, набрал полк в защиту короля и неоднократно сумел выказать на деле такие способности к командованию, каких прежде никто в нем не подозревал.

В самый разгар междоусобий он влюбился в прекрасную и добродетельную девушку из благородного дома Стэнли, женился, и с той поры соблюдение верно-подданнического долга стало для него особенно заслугой, ибо оно разлучало его с молодой женою, лишь на короткое время позволяя ему возвращаться в родной дом. Презрев соблазны домашнего очага, отвлекающие от выполнения воинского долга, Певерил Пик несколько лет доблестно сражался на полях гражданской войны, до тех пор, покуда полк его не был захвачен врасплох и разбит наголову Пойнтсом, предприимчивым и удачливым начальником кавалерии Кромвеля. Поверженный роялист спасся бегством и, как истый потомок Вильгельма Завоевателя, не желая покоряться, устремился в свой укрепленный замок, который подвергся беспорядочной осаде — одной из тех, что в смутные времена междоусобий разрушили множество феодальных твердынь. Замок Мартиндейл, жестоко пострадавший от осадных орудий, которые выставил против него сам Кромвель, в конце концов вынужден был сдаться. Сэр Джефри был взят в плен, а так как и получил свободу лишь после того, как дал слово хранить верность республике, причем за свои прежние преступления, как назвала его действия правящая партия, был строго наказан штрафом и конфискацией.

Однако ни вынужденное обещание, ни страх перед дальнейшими неприятными последствиями как для него самого, так и для его имущества не помешали Певерилу Пикун присоединиться к доблестному графу Дерби в ночь накануне роковой схватки в Уиганлейне, где войско графа было рассеяно. После поражения сэра Джефри, которому тоже порядком досталось в этом бою, вместе с остатками роялистских войск спасся от разгрома и бежал под знамена Карла II. В битве при Вустере, закончившейся полным разгромом короля, он вторично попал в плен, а так как в глазах Кромвеля он был одним из тех, кого в ту пору называли закоренелыми врагами республики, ему угрожала опасность разделить участь графа Дерби и после того, как он делил с графом превратности двух сражений, взойти вместе с ним на эшафот в Боултон-ле-Муре. Но жизнь сэра Джефри была спасена благодаря вмешательству одного друга, который пользовался влиянием у Оливера. Это был некий мистер Бриджнорт, человек незнатного рода; отец его во время мирного царствования Иакова I преуспел в торговых делах и оставил сыну порядочное состояние, а также небольшое поместье, в свою очередь доставшееся ему по наследству.

Прочный, хотя и небольшой, кирпичный дом, называвшийся Моултрэсси-Холл, был расположен всего в двух милях от замка Мартиндейл, и юный Бриджнорт ходил в одну школу с наследником Певерилом. В школьные годы они сблизились и даже подружились, тем более что Бриджнорт, хоть в глубине души и не признавал притязаний сэра Джефри на превосходство в такой степени, в

какой этого требовало тщеславие последнего, все же, будучи человеком благородным, оказывал должное уважение потомку рода, намного более древнего и знатного, чем его собственный, и отнюдь не почитал это для себя унижительным.

Однако, как ни велико было почтение мистера Бриджнорта, оно все же не заставило его во время гражданской войны последовать за сэром Джеффри. Напротив, будучи деятельным мировым судьей, он помогал набирать отряды ополчения в помощь парламенту и некоторое время сам стоял во главе одного из таких отрядов. Причиной тому были отчасти его религиозные взгляды (он был рьяным пресвитерианином), отчасти же мнения политические — не будучи совершенным демократом, он в великой государственной распри склонялся на сторону народа. Кроме того, он, как человек состоятельный, не упускал из виду свои мирские интересы. Он умел пользоваться возможностями, которые предоставляла гражданская война, чтобы умножить свое состояние ловким употреблением капитала, и очень скоро понял, что для этого лучше всего поддержать парламент, ибо принадлежность к королевской партии сулила богатым людям одни лишь высокие налоги и принудительные займы. Вот почему Бриджнорт сделался убежденным круглоголовым, и дружеские связи между ним и его соседом прервались. Это никого особенно не огорчило, ибо во время гражданской войны сэр Джеффри почти непрерывно находился на поле боя, разделяя переменчивую и несчастливую судьбу своего государя, в то время как майор Бриджнорт, вскоре оставивший военную службу, большую часть жил в Лондоне и лишь изредка наезжал в Моултрэсси-Холл.

В одно из таких посещений он, к большой своей радости, узнал, что леди Певерил была очень добра к его жене и даже предоставила ей с семьей убежище в замке Мартиндейл, когда отряд буйной конницы принца Руперта угрожал разграблением Моултрэсси-Холлу. Это знакомство постепенно перешло в дружбу, ибо благодаря близкому соседству леди Певерил часто гуляла вместе с миссис Бриджнорт, которая почитала большою честью для себя общество столь знатной дамы. Весть об их дружбе очень обрадовала майора Бриджнорта, и он решил отблагодарить леди Певерил, употребив все свое влияние — по возможности без ущерба для себя — в защиту ее несчастного супруга. Жизнь сэра Джеффри после битвы при Вустере была спасена главным образом благодаря посредничеству майора Бриджнорта. При уплате контрибуции он выхлопотал для него льготные условия, которыми не пользовались многие далеко не столь закоренелые враги республики, а когда наконец для уплаты этой контрибуции сэру Джеффри пришлось продать значительную часть своего родового поместья, майор Бриджнорт сам его приобрел, причем по такой цене, какой при упомянутых обстоятельствах не дал бы кавалеру-роялисту никто из членов комитета по секвестрации. Правда, в этой сделке расчетливый майор не забывал и о собственной выгоде, ибо цена, в сущности, была весьма умеренной, а земля примыкала к Моултрэсси-Холлу, ценность которого благодаря этой покупке но меньшей мере утроилась. Правда и то, что, пожелай Бриджнорт, подобно другим членам комитета, воспользоваться вполне всеми преимуществами своего положения, злощастному рыцарю пришлось бы согласиться и на худшие условия, и майор ставил себе в заслугу (основательность чего признавали и другие) то обстоятельство, что он в этом случае принес свою выгоду в жертву великодушью.

Сэр Джеффри Певерил и сам так думал, тем более что мистер Бриджнорт ничуть

не кичился своим возвышением и блеск его теперешнего преуспеяния не мешал ему выказывать рыцарю прежнюю почтительность. Справедливость требует заметить, что майор Бриджнорт относился с уважением не только к претензиям своего униженного соседа, но и к его несчастьям и что с искренним великодушием простого англичанина он соблюдал светские церемонии, к которым сам был безразличен, лишь потому, что это, как он видел, доставляло удовольствие сэру Джеффри.

Воздавая должное деликатности своего соседа, Певерил Пик о многом забывал. Он забывал о том, что майор Бриджнорт владел уже доброй третью его имения и что по крайней мере еще одна треть находилась в денежной зависимости от майора. Он даже старался забыть о еще более неприятном обстоятельстве, а именно о тех знаменательных переменах, которые постигли не только их самих, но и их усадьбы.

До начала гражданской войны гордые стены и башни замка Мартиндейл подавляли своим великолепием красный кирпичный фасад Моултрэсси-Холла, едва видневшийся из-за зеленых зарослей; так выглядел бы могучий мартиндейльский дуб рядом с одним из низкорослых подстриженных вязов, какими Бриджнорт украсил аллею, ведущую в его имение; но после упомянутой нами осады дом майора был перестроен и увеличен, и теперь обгорелые руины замка, сохранившего лишь один жилой флигель, являли в окружающем ландшафте зрелище столь же печальное, сколь мрачным казался бы возле буйно разросшегося молодого деревца тот же старый дуб, если бы молния, расщепив его ствол, разбросала по земле обугленные ветви, а сам он, безлистый и мертвый, уродливым черным обручком торчал в небе. Сэр Джеффри не мог не почувст-

вовать, что перемена в его судьбе и судьбе Бриджнорта, равно как и перемена в наружном виде обеих усадеб, была не в его пользу, и хотя на этот раз сосед его употребил свое влияние парламентского чиновника и члена комитета по секвестрации, чтобы защитить кавалера и врага республики, влияние это с таким же успехом могло бы способствовать полному его разорению и он стал теперь лицом покровительствуемым, тогда как сосед его возвысился до положения покровителя.

Два обстоятельства, помимо необходимости покориться судьбе и настойчивых увещаний супруги, помогли Певерику Пикку довольно терпеливо сносить это унижение. Первое заключалось в том, что политический образ мыслей майора Бриджнорта стал во многом приближаться к его собственному. Как пресвитерианин, Бриджнорт никогда не был непримиримым врагом монархии, и неожиданный суд и расправа над королем сильно его потрясли; как человек штатский и к тому же состоятельный, он опасался власти военных; и хотя он не желал насильственного восстановления монархии, однако же готов был согласиться, что возведение на престол наследника королевской фамилии на условиях, гарантирующих защиту тех гражданских прав и привилегий, за которые Долгий парламент ратовал вначале, было бы самым верным средством положить желанный конец терзавшей Англию государственной смуте. Взгляды майора на этот предмет так мало отличались от взглядов его соседа, что он чуть было не дал сэру Джеффри, неизменному участнику почти всех роялистских заговоров, вовлечь себя в неудачное восстание Пенраддока и Гроувза на западе, в коем были замешаны как многие пресвитериане, так и сторонники партии кавалеров-роя-